

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ О ВОЙНЕ

ТАМОНИКОВ
ЛЕКСАНДР

**СТАРАЯ ДОБРАЯ
ВОЙНА**

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

В оформлении использована
иллюстрация художника *И. Варавина*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 **Старая добрая война / Александр Тамоников. —**
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-097820-5

Дмитрий Шрамко и Роман Середин вместе учились в военном училище, вместе воевали на Северном Кавказе. Тогда их связывала настоящая крепкая дружба. После тяжелого ранения Середин уволился из армии, но на гражданке пробыл недолго: знойным тревожным летом он в качестве ополченца поехал на Донбасс. Однажды, наблюдая в бинокль за командным пунктом противника, Роман неожиданно увидел Дмитрия Шрамко в натовском камуфляже, с шевроном ВСУ. Не веря своим глазам, Роман связался с Дмитрием по рации, и бывшие друзья договорились тайно встретиться на нейтральной полосе, чтобы поговорить по душам. К несчастью, их разговор подслушал заместитель Шрамко, лейтенант украинской армии...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097820-5

© Тамоников А.А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

От автора

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В бытовке курсант Шрамко мучился с просушкой подворотничка. Утюг на свободной доске то нагревался до кипения, то остывал. Хорошо, что курсант успел прогладить куртку и брюки, с выстиранными подворотничками повезло меньше.

— Твою мать, и что за утюг?

Гладивший рядом товарищ по взводу усмехнулся:

— Что, Шрам? Сломал утюг, ну, теперь «хомут» заставит тебя новый купить.

«Хомутом» в военном училище, да и в войсках вообще часто называли старшину роты.

— А не шел бы он! Слышь, мужики, дайте подворотничок догладить! Осталось всего ничего.

— Бери, я пойду покурю в курилке, — пошел навстречу его сосед по глажке.

Шрамко перешел за другую доску и в считанные минуты исправным утюгом высушил кусок белой материи. Теперь осталось в кубрике подшить его, повесить форму на стул, и в кровать, отдыхать до получения оружия, когда первый взвод десятой роты заступал в караул. Сколько уже их было за почти четыре года обучения в Переславском военном училище? Караулы не считали, дожидаясь последнего, как говорится, дембельского.

Вернув утюг подошедшему товарищу, Шрамко забрал форму, прошел в кубрик, присел на стул, достал из ящика иглолку с ниткой. Тут появился друг Шрамко, курсант третьего взвода Роман Середин, присел на соседний стул:

— Думал, не успею.

— В смысле? — поднял на друга удивленный взгляд Шрамко.

— Слушай, Дим, ты на какой пост заступаешь?

— На четвертый.

— Пост длительного хранения техники и складов «НЗ», самое то.

— А в чем, собственно, дело, Рома?

— Ночью когда стоять будешь?

— Это смотря что ночью считать. У меня смена с 20.00 до 22.00, затем резерв, отдых, потом на пост с двух до четырех.

— Отлично!

— В «самоход», что ли, собрался?

— Да.

— И кто же твою Алину ночью из дома выпустит?

— Сам удивился, когда она позвонила и спросила, смогу ли я подойти к трем часам. Наверное, есть что важное сказать.

— Может, папенька ее изменил свое отношение к тебе?

— От него дождешься, — вздохнул Середин. — Ему зять офицер на хрен не нужен. Как же, местный олигарх, мебельный салон имеет, да еще с десятков подпольных цехов. Он уже нашел жениха для дочери. Да только не выйдет у него ничего.

СТАРАЯ ДОБРАЯ ВОЙНА

— Как знать, Рома. Или думаешь, он не просчитывает варианта, что после выпуска его совершеннолетняя дочь может просто сбежать с тобой? Просчитывает, потому как в части, куда пошлют, он вас уже не достанет.

— Пусть просчитывает. Мы сделаем так, что все его просчеты пустыми окажутся. Но вот почему она сегодня меня ночью вызывает? Не могу понять.

— Наверное, Алиночка решила не ждать выпуска, а сегодня из хаты свалить, — улыбнувшись, предположил Шрамко.

— Ей еще школу закончить надо. И потом, куда я ее дену? Не в училище же больше месяца прятать?

— Почему нет? Да и хату снять в городе по-тихому не проблема.

— Не прокатит. Ну ладно, посмотрим, что там у нее. Так я через твой пост пройду?

— По форме или в спортивном?

— В спортивном, конечно, до их коттеджного поселка по «железке» километров пять.

— Во сколько двинешь?

— Сразу после смены поста, где-то в 2.20. Вернусь через час-полтора.

— Лады. Фонарь не забудь, а то сиганешь сдуру через забор и попадешь под очередь. На территории поста всего два прожектора. Не различишь, свой или кто из бандюков, а может, дезертир из батальона ополчения. Месяца не прошло, как бойца из БОУПа похоронили. Дернуло солдата через пост пойти. Правда, он в хлам был, но от этого не легче. Получил пять пуль, и «до дому, до хаты» в цинковом гробу.

— Фонарь возьму, пойду трезвым, сигналы прежние. Из училища подойду к посту от полосы препятствий, обратно со стороны железной дороги, напротив караульной вышки.

— Договорились.

— Не усни.

— Я не сплю на посту. Привычка уже дурная выработалась за четыре года. В караулке в резервной смене голова на стол так и клонится, два часа отдыха пролетают секундой сна, на построение выходишь сонной мухой, а стоит прийти на пост, все, сон как отшибает.

— Ладно, подшивайся, отдыхай, я на самоподготовку. Ночью встретимся.

— Давай! Но знай, Рома, не нравится мне что-то этот «самоход». Что уж такого могло произойти, чтобы Алина решилась выйти из усадьбы в темную рошу, да еще в такое время?

— Но позвонила же, вызвала.

— А по телефону объясниться не могла?

— Не знаю, Дим, сам голову ломаю, что за дела. И теперь, пока не дойду до нее, не успокоюсь.

— Сам не пробовал ей позвонить?

— Не отвечает.

— Говорю, что-то не то.

— Пошел! — отмахнулся Середин.

— До встречи. Первый сигнал — от полосы препятствий, я возле вышки буду.

— Спасибо.

— Спасибо в карман не положишь. В увольнении пузырь с тебя.

— Договорились.

Середин ушел на построение третьего и четвертого взводов для следования в учебный корпус на самоподготовку, Шрамко подшил подворотничок, повесил форму и шмыгнул под простынь, поспать пару часов, пока дежурный не проорет: «Взвод! Подъем!» Больше всего Дмитрий ненавидел эту команду, совсем другое дело «Отбой!». Значит, день прошел, и черт с ним.

Время в училище летит быстро. Подъем, туалет, физическая зарядка, приведение в порядок, уборка, построение на утренний смотр, занятия, обед, свободное время, самоподготовка, ужин, спортивные мероприятия, вновь немного свободного времени, вечерняя прогулка, поверка, отбой. И все время — построения, команды, ничего без команды.

Из класса учебного корпуса Середин смотрел, как на небольшом плацу возле штаба прошел развод караула и внутреннего наряда, как курсанты, заступившие в наряд, под барабанный бой прошли мимо нового дежурного и направились по местам несения службы. Он несколько раз пытался дозвониться до Алины, но все бесполезно, ее телефон молчал. Не давала покоя мысль, что же вынудило девушку, за которой строго следили родители, вызвать его ночью в рощу за коттеджным поселком, тем более она понимала, что ни о каком увольнении речи быть не может и курсанту придется идти в самоволку, за что предусмотрено наказание, как минимум лишение увольнения да пара нарядов вне очереди. А ведь они договорились встретиться в субботу, спокойно, в городе, ни от кого не скрываясь, ну, разве что от ее родителей. Отец Алины, достаточно крупный предприниматель в

Переславле Максим Юрьевич Ухватов, да и мать, Лариса Сергеевна, мягко говоря, были не в восторге от выбора дочери.

Они познакомились в школе, куда курсантов отправляли для проведения встреч с учениками, внедрять в молодые мозги идеи о том, что нет ничего благородней, как, не жалея здоровья и жизни, защищать свою Родину. В отличие от других, Алина слушала выступающего Середина внимательно. А потом, на танцевальном вечере, сама пригласила Романа на «белый» танец. Они познакомились. Он проводил ее домой. В выходные встретились, гуляли по городу, она рассказывала о себе, он о себе, хотя ему и рассказывать было нечего, родители умерли рано, сначала отец, за ним мать, у обоих рак. Загрелел бы в детский дом, но дед оформил опеку. Школу окончил в Луганске и сразу по окончании поступил в училище. Ему нравилось, что девушка слушает внимательно, а не делает вид, что ей интересно...

И теперь остался всего лишь год, Алине исполнится восемнадцать, он закончит обучение, и после выпуска они уедут в Луганск, где и поженятся. И вдруг этот странный звонок — может ли он прийти к ней ночью? Конечно, может, но что повлияло на Алину, раз она решилась на такой отчаянный поступок? А если узнает отец? Что-то не так. Но что?

После отбоя Середин лег в свою койку. Спортивный костюм он еще вечером забрал из каптерки, с заступившими в наряд по роте ребятами договорился, что уйдет в «самоход», и надо только дождаться нужного времени. Оно же, как назло, тянулось

очень медленно. Казалось, прошло не меньше полчаса, а посмотришь на часы, стрелки сдвинулись всего на пять минут. Хоть и медленно, но время все-таки подошло. В 1.30 Середин поднялся, надел спортивный костюм, и вдруг в роту с проверкой явился дежурный по части. Заступил преподаватель кафедры тактики, отличавшийся своим рвением по службе. Если он проверял подразделения, то делал это тщательно.

Пришлось одетым снова прыгнуть в постель. Дежурный по роте включил в кубрике дежурное освещение, полковник не поленился, прошел рядами между кроватями, проверяя каждого курсанта. И не просто проверяя, если кто-то накрылся простыней с головой, отбрасывал ее, желая убедиться, что все на месте. Обход дежурного отнял двадцать минут. С одной стороны, теперь надо было торопиться, а с другой, дежурный больше не придет в казарму. Не попасться бы ему на территории. Полковник иногда устраивал «ловушки». Встанет где-нибудь в темноте за деревом между казармами и стоит. Самовольщики, не видя угрозы, выходят из казармы и сразу попадают в руки дежурного, который отправляет всех без разбора в караулку на гауптвахту. Но кто не рискует... тот в «самоход» не ходит. Середин не являлся «самоходчиком», однако сегодня была другая ситуация, он должен был уйти. И он пошел. Через окно в кусты, от кустов к общежитию, оттуда к уличному туалету, мимо лаборатории к полосе препятствий. От нее до четвертого поста метров сто...

Середин сразу увидел Шрамко.

Тот тоже смотрел в его сторону, но видеть товарища не мог. На полосе препятствий темно, на посту же светят два прожектора. Середин достал из кармана маленький, но довольно мощный фонарь, направил его на Шрамко и трижды моргнул. Три короткие вспышки — запрос, может ли часовой ответить. Увидел в ответ две короткие, длинную, с задержкой, и вновь короткие вспышки. Сигнал — да. То есть он на посту один, можно подойти.

Роман аккуратно приподнял кусок колючей проволоки, проскользнул под ней и, оказавшись на посту, подбежал к Шрамко.

— Двадцать минут третьего. Чего задержался? Уснул? — показывая на часы, недовольно проговорил тот.

— Какой там! Хотел уже свалить, как дежурный по училищу явился.

— Борода? Серьезный мужик. Ничего не заметил?

— Если бы заметил, разве я проскочил бы?

— Не проскочил бы. Ладно, давай двигай быстрее, Дуб предупредил через третий пост, что Борода пошел проверять парк боевых машин, оттуда точно сюда придет.

Дуб — разводящий, командир отделения Шрамко сержант Валерий Дубинин. Нормальный парень, отличник, между прочим, а Дубом прозвали из-за фамилии. У каждого имелось свое прозвище. Шрамко иногда называли Шрамом, Середина — Середой, взводного, что сейчас исполнял обязанности начальника караула, старшего лейтенанта Чубатова — Чубом, ротного капитана Черненко — Черенком или

Генсеком, по фамилии одного из бывших руководителей Советского Союза, и так далее, от рядового до начальника училища. Традиция.

— Понял, Дим, понял!

— На «железке» поаккуратней!

— Само собой.

— Ремень взял?

— Взял.

— Это правильно, с ним ночью спокойней как-то в городе.

У многих курсантов имелся в запасе ремень с бляхой, на котором была выдавлена звезда. Бляху затачивали, и она, на мягком кожаном ремне, наматываемом на руку одним движением захлеста, была грозным оружием. Особенно против придурков, вооруженных ножом, битой или «травматом». Штатские в большинстве своем знали об этом и, перед тем как наехать на курсанта, высматривали, есть ли у него ремень.

— Ты, если что, предупреди сменщика обо мне, а то вдруг опоздаю, и жди твоей следующей смены четыре часа. Чистое «попадалово».

— Ладно, но ты постарайся не опоздать.

— Постараюсь.

— Удачи, и привет Алине!

— Передам.

Середин подбежал к бетонному забору, легко, как на полосе препятствий, перемахнул через него, перебежал дорогу и спустился к железной дороге. По ней до коттеджного поселка дальше, но безопасней, по крайней мере, гарнизонные патрули не шатались. Набрал полные легкие свежего воздуха и резко выдохнув, Роман побежал по

ровной части насыпи. Вскоре мимо прошел грузовой состав, взвизгнув сиреной, пролетела в попутном направлении электричка. Пять с лишним километров Середин преодолел за двадцать пять минут и в 2.50 двинулся в рощу, что примыкала к тыловым заборам коттеджного поселка, и, выйдя прямо к усадьбе Ухватовых, остановился, переводя дыхание, и взглянул на часы — ровно три часа. Алина просила подойти именно к трем, он на месте, а ее нет. Но это еще ничего не значит, ей гораздо сложнее выйти из дома и пройти садом до тыловой калитки, чем ему пробежать пятикилометровый кросс по железной дороге. 3.15. Ситуация та же. Роман и до этого волновался, сейчас же он начал нервничать. В голове вертелся один и тот же вопрос: что случилось?

Внезапно слева из-за поворота выехала черная «Хонда», осветив фарами дорогу и часть рощи, и остановилась прямо между ним и забором усадьбы Ухватовых.

Середин сразу почувствовал опасность, и рука его легла на ремень, скрытый курткой.

Из автомобиля вышли четверо. Трое парней и девушка, впрочем, раскрашенное чучело девушкой можно было назвать условно. Все четверо были одеты одинаково: черные туфли, у девицы с каблуками, черные кожаные брюки в обтяжку, черные майки с белыми двойными молниями, знаком принадлежности к какой-то радикальной организации. Знак сильно напоминал тот, который носили гестаповцы в фашистской Германии. Парень, что был за водителя, встал у дверки, не отходя от машины, второй зашел слева, третий парень и девица справа.

Середин оценил угрозу. Пацаны посещают спортивный зал, но лишь для того, чтобы качаться, возможно, они еще и в бассейне плавают, держат вес, но вот о рукопашном бое понятия не имеют, не так расставились, как надо.

— Привет, солдатик! — рассмеялся один из парней.

— Это тебе предстоит отслужить срочную, если не отмажут, а мне таким чмо командовать, — спокойно ответил Роман.

— Ух ты, командир нашелся! Чего или кого ждем, командир?

— Твое какое дело?

— Интересно.

— Гуляю я здесь. А вы ехали бы своей дорогой! Здоровее будете.

Девушка обернулась к старшему, который легко угадывался в парне, судя по всему, владельцу машины:

— Эдя! Этот сапог борзее, тебе не кажется?

Середин вздрогнул. Только что он услышал голос Алины, но принадлежал этот голос раскрашенной индейцем девушке. И тут все стало понятно. Его выманили сюда, и Эдя — не кто иной, как Рудин Эдуард, выбранный отцом Алины в ее женихи.

— Помолчи, Оса! — крикнул Эдуард девушке и снова взглянул на Середина: — Я думал, командиры умными должны быть. Ну, по крайней мере не лохами. А ты лоханулся, курсант. Повелся на такой дешевый развод. Разве вышла бы Алина ночью одна из дома?

— Значит, от имени Алины мне звонила эта крашенная сучка?